ИМПЕРАТИВ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII–НАЧАЛА XX ВВ.

УДК 340.9

Н. И. КРАСНЯКОВ

Возрастающий интерес к проблематике государственного управления, в частности, к имперской парадигме в позитивации общественных институтов все чаще проявляется в исследовании интеграции наций-этносов завоеванных территорий, инкорпорации местных правовых систем в общее право Российской империи и преодолении обычно-правового партикуляризма, встраивания самобытного административного строя периферии в унифицированную систему правительственных учреждений, наконец, во взаимообусловленности формирования имперских политических структур сочетанием интересов населения-власти окраинных регионов и центра.

Значимость обозначенного вопроса актуализирована еще и тем фактором, что относительно Российской империи имеются свои особенности политико-правовых процессов, в частности, отдельные ученые на основе анализа-сопоставления противоречивых друг другу мнений государствоведов Кавелина и Самарина приходят к выводу, что «сама история заставляет нас создать новый, небывалый своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как — самодержавной республики» [10, с. 353]. Думается, в некоторой степени такое убеждение небезосновательно, тем более, что синкретический подход к пониманию власти сохранялся до нового времени, и, как отмечает известный государствовед В. Е. Чиркин, лишь с европейских писателей-утопистов начинает разделяться власть сверхъестественных сил, природных факторов, людей-героев и общественная власть [14, с. 39], т. е. за этим рубежом трансформируется подход и содержание в имперской государственности, приобретается ее западноевропейское восприятие. Однако в классической римской империи по мере утраты единого национального мировоззрения власть императора становилась все более «самородной», а как показывает история народов, недолговечность всех государств самовластительского типа известна. Эволюционируя, верховная власть теряет возможность исполнения своих важнейших функций: наблюдения, контроля и общего направления дел с национальной точки зрения, поскольку она погружается бюрократией исключительно в дела управления» [12, с. 376]. Итак, прослеживая развитие государственной власти в имперскую форму, необходимо отметить, что воля монарха с течением времени перестает быть идентичной интересам различных социумов этого большого политико-территориального образования. В целях удобства управления огромными территориальными пределами имперских государств бюрократия нивелирует самобытность этносов, консолидируя лишь общегосударственные дела, проявляя свою приспособляемость и способствуя сначала потере связей согласования-координации, а в дальнейшем и господства-подчинения субъектов социума в механизме государства. В конечном итоге без этой опоры объединенное империей общество перестает существовать, а государство вступает в полосу кризиса, слома экономических и социально-политических конструкций. Поскольку устойчивость обозначенных связей определяется жизнеспособностью обычных общественных институтов и традиционностью духовной сферы общества и императорского статуса, то, на наш взгляд, восточные империи оказывались долговечнее по причине этого тормозящего фактора развития имперской государственности.

Следуя сочетанию цивилизационного и формационного подходов к государственности, четко видим, что империя — результат постепенного преобразования восточной деспотии, а потому история знает разные типы отношений между империями и входящими в них этническими общностями. Были империи, навязывающие своим подданным культуру носителей власти; в других —

победители принимали культуру побежденных; бывали империи, старавшиеся из уважения к чужим обычаям не посягать даже на откровенно варварские местные пережитки, но неизменным в имперском политико-территориальном устройстве остается одно: сосуществование представителей многих этносов в единой системе власти и закона. В классической империи полиэтническое общество имеет четкую иерархическую структуру (причем заметим, множество иерархий — в социуме, государстве, праве — Н. К.), на вершине которой расположен империообразующий народ, в руках которого находится власть (нераздельный imperium), — ремарка, в качестве обобщения идей современного исследователя В. К. Кантора [2].

Значение необходимости однозначного уяснения категории «нация» в становлении имперских компонентов государственности особенно подчеркивается вследствие возрастающих столкновений в ее пределах государственно-правовых, культурно-религиозных, языковых интересов составляющих ее социальных субъектов по мере усиления интеграционных процессов. Отметим, например, мнение Герфрида Мюнклера, подчеркивающего неоднозначность объединительных явлений — для империй почти всегда от центра к периферии существует интеграционный спад, с которым связаны и неравные возможности соблюдения правовых обязанностей и влияния на политику центра. Факторами влияния в данном процессе оказываются геополитические и геоэкономические, но при этом решающую роль для взлета или падения империи могут играть незаметные факторы военного превосходства [9, с. 90–95]. Говоря на этом фоне о роли национально-этнического компонента империи, специалист исходит из того, что в литературе постоянно подчеркивается мультиэтнический и соответственно многонациональный характер империй. Но, отмечает исследователь, «значимость этой характеристики проблематична, поскольку, с одной стороны, она тривиальна — ибо обширные державы неизбежно охватывают многие этнические и соответственно национальные общества; с другой стороны, в конечном счете, распоряжается имперский центр по принципу «разделяй и властвуй». Как видим, не очевидна связь динамического построения имперской системы в контексте формирования национальной идентификации социализирующегося этноса, то есть своеобразие соотношения элементов многофакторной конструкции социально-политической системы территории-населения служит основой перераспределения сил в становлении империи — либо усилиями центра, либо отказом окраин от своей самобытности и влияния на общеимперские власть-закон и постепенное их инкорпорирование в единый механизм мегагосударства.

В этой связи ценным в понимании специфики конфигурации национально-этнической подсистемы в российской империи являются утверждения видного русского правоведа И. Андреевского о том, что российское государство представляется отличным от западноевропейских государств. Ученый подчеркивает, что народ русский, образовавшийся из соединения племен славянских, финских и латышских, в своем государственном развитии подвергался влиянию совершенно других начал, — «не на развалинах римского мира, и римские начала потому не имели на русскую жизнь прямого и непосредственного влияния» [1, с. 37]. Вследствие этого в формирующейся Российской империи складывались новые государственные формы и юридические начала, а в качестве опыта занимаемые из развившихся совершенно иначе западно-европейских государств не прилагаются к действительности, остаются формальными, а общество продолжает жить как прежде, по народному праву. Что и наблюдается при сохранении Россией местных «привилегий» при присоединении Малой России в XVII в., западных территорий в XVIII в., а также в XIX в. финляндских, польских и кавказских земель, что в конечном случае определило закрепление в законодательстве автономистской традиции российской государственности. Очевидно, поэтому при характеристике интеграционных явлений и типов союзных государств — Staatenbund (Германский союз) и Bundesstaat (Североамериканские штаты и Швейцария), ученый не называет вообще как отдельное образование «империю» и не относит к другим союзам Российскую империю [1, с. 41]. Итак, из анализа вышесказанного возникает сомнение относительно предопределенности динамики имперского государства, во-первых, национальным контекстом общественного развития, во-вторых, проявившимися имперскими схемами древнего Рима или средневековой Европы, в-третьих, силой лишь имперского центра.

Ввиду сложившегося взгляда на категориальный аппарат интеграции новых пространств и населения рассмотрим сущность нации как социальной структуры и общности.

Как известно, существуют разные понятия нации, одно из них — политическое, nation state (государство-нация), другое — этническое. В современном понимании, нация — это совокупность граждан, которые в независимости от своей религиозной, этнической или расовой принадлежности обладают равными политическими, гражданскими, экономическими и социальными правами и избирают свое правительство. Выходит, нация — это не всегда этап в развитии этноса, тем более, что в мире не существует моноэтнических государств. Неоднозначен и ответ на вопрос, существуют ли в империи нации и складывается ли единая нация, например российская. Думается, новаций быть не может — отдельная российская нация в имперский период не формируется, так как различные этнические и религиозные группы обладали неравным объемом прав и обязанностей. Связь понятий «нация» и «государство» отражена в ложной категории «нация-государство». Согласимся с В.А. Тишковым, что нации возникают не в тот момент, когда сформируется некая социально-культурная и языковая гомогенность, а что нация есть продукт идеологии национализма, причем идея должна распространиться на массовом уровне, — такой подход является господствующим в мировой науке [13, с. 574]. Безусловно, необходимо учесть в данной проблематике замечание Э. Хобсбаума, что «слово nacion до 1884 г. обозначало попросту «совокупность жителей страны, провинции или королевства», а также «иностранца» [15, с. 26].

Итак, соотношение империи и мононационального государства будет различным, в частности, имперское общество может и не являться обществом многонациональным, а многонациональное общество может и не быть имперским. Такой подход и получил распространение в науке: империя представляет собой систему дифференцированного управления другими образованиями, а национальное государство, по крайней мере, в теории, предполагает одинаковое обращение со всеми составляющими нации. Методологически выверен принцип, что отношения граждан нации, равных перед законом, со своим государством отличаются от отношений между империей и ее подданными [11, с. 39]. Империя может и должна охватывать собой много несхожих между собой традиций и жизненных укладов, при этом она не столько уравнивает их с неким средним уровнем, сколько создает разнообразные механизмы управления и адаптации к местным традициям. Если в одном отношении главенствует необходимая унификация, то во многих других должна присутствовать сложность. В качестве выводов зарубежных исследователей нужно подчеркнуть, что все евразийские империи в то или иное время были восприимчивы к внешним культурным влияниям, и даже встречаясь с потенциально деструктивными влияниями двойной революции, часть правящих элит и отдельные правители предпринимали попытки органично включить новые институты или течения мысли в господствующую культуру [6, с. 45]. В частности, власть усложняется и трансформируется в направлении увеличения представительства подданных, а, как отмечено еще в начале XX в., «всякое усиление законодательной власти над исполнительной есть благо, ибо это усиление власти, непосредственно вытекающей из суверенитета» [3, с. 343].

По нашему убеждению, говорить об имперской схеме управления стоит тогда, когда в единое целое приходится интегрировать несколько разных политических систем, образов жизни, традиций права, религиозных конфессий и так далее. То есть империя — это институт, характерный для той или иной стадии существования традиционного общества, это механизм, с помощью которого поддерживается существование нескольких разноуровневых жизненных укладов, на которые, без их разрушения, не может быть наложена слишком жесткая схема организации общественной жизни. Подобные суждения содержатся и в актуальных сегодня исследованиях, например, А. Мотыль настаивает, что под империей нужно понимать иерархически организованную политическую систему [8, с. 13]. Сам механизм имперской интеграции может быть разным — от постепенной унификации (хотя бы в основных установлениях как в римской и французской имперских практиках) до поддержания под единым суверенитетом всего конгломерата традиций — как в эллинистическом и британском варианте. А потому, отмечая различность подходов к определению категории «нация», подчеркнем для обособления идею, что источником подлинного имперского типа государственности выступает именно многоукладность, причем не отрицается и многонациональность. В этом случае можно сказать, что нация сформирована социальной историей, а этнос органичен и, следовательно, общее территориально-законодательное устройство этносов — это империя. И потому можно утверждать, что империя создает правовое

пространство, устанавливая общую, надна-циональную цель и предлагая общее, надна-циональное ассиметричное, с несколькими «вертикалями власти» политическое бытие для всех народов, если не сводить империю к деспотии. При этом, как замечает известный исследователь А. И. Миллер, не столько сло-жившиеся нации-государства имперского ядра создавали империю, сколько империи создавали в своем ядре нации-государства [7, с. 334]. По нашему мнению, в общем итоге необходимо констатировать, что империя создается соотношением между традициями, ценностями, установками входящих в нее исторических – территориальных, этнических и т. п. – групп и той общей системой полити-ческих и правовых иерархий, в которую инте-грируются эти группы, лишаясь суверенности [5]. Причем сама этимология слова «империя» указывает, что в основе интеграции лежит под-чинение этих групп единой власти, от которой исходят указанные нормы.

Исследуя имперский дискурс российской государственности, традиционно обратимся к анализу национального фактора в ее эво-люции, причем отметим, что начальный про-цесс объявления России империей Петром I выразился в институционализации импер-ских политико-территориальных компо-нентов через столетие – лишь в первые два десятилетия XIX в. – «века наций» в Европе. Соответственно в силу существенного влия-ния геополитических реалий на внутреннюю политику российских монархов, выразивш-уюся в позитивном обособлении национальных территорий и отсутствии «народной колони-зации» русскими западных и южных регионов государства, социально-этническая состав-ляющая требует осознания и в России. Преоб-ладает точка зрения, что русские не делали различия между империей, национальным государством и нацией, а потому для русского национализма, как для французского, брита-нского или испанского, стремление к консоли-дации нации вовсе не стояло в непримиримом противоречии со стремлением сохранить и по возможности расширить империю [7, с. 335]. При всех своих проблемах в XIX в. российская империя продолжала террито-риальную экспансию, сохраняя такой стабиль-ный уровень военной мощи и экономического потенциала, который делал иностранное вме-шательство и распад империи скорее гипоте-тическими угрозами.

Итак, считать обусловленность имперской конфигурации государства эволюцией только национально-этнических свойств социума было бы неверным в силу даже уже обозна-ченных признаков имперской конструкции. В каждом отдельном случае стоит рассма-тривать, какие части имперских государств оказывались достигшими и способными к самостоятельности по национально-этни-ческому свойству формирующимися полити-ко-территориальными единицами в едином политико-правовом пространстве [4]. В ходе обобщения места и роли народонаселен-ческого свойства Российского государства империя как форма организации социального сообщества этносов и наций далека по своим содержанию и форме от идеала, а потому сле-дует считать аксиомой, что сохранение тер-риторий, компактно населенных народами разного происхождения и вероисповеданий и находящимися на разных уровнях культур-ного и экономического развития, часто с соб-ственными традициями государственности, рано или поздно приводит к возникнове-нию движений за национальную автономию, а потом и за независимость. При этом на опре-деленном этапе имперская форма государства позволяла обеспечивать единство общества, безопасность народов, ликвидацию анар-хии и способствовала мобилизации ресурсов и созданию благоприятных условий для раз-вития экономики, социальной и культурной модернизации. То есть в качестве домини-рующего, структурообразующего фактора в империи выступает политический контекст, и в случае классических империй-конгломе-ратов (объединения разнородных этносов в основном военным путем), и относительно империй-иерархий (объединение народов с разным уровнем соподчиненности), стерж-невым их качеством соответственно остается государственное управление общими делами и конфликтами. Считаем, что при исследова-нии имперского управления следует учиты-вать контекст регионализма, определяемого как принцип институциональной организа-ции адекватных конкретному жизненному пространству политических и администра-тивных структур, социокультурных и экономи-ческих институтов, призванных эффективно и действенно, с учетом специфики данного пространства, управлять общественными про-цессами. Реализуемый в Российской империи синтез центростремительных и центробежных сил существенно снижал синдром отчужде-ния между территориальными единицами и обеспечивал относительно автономное существование многочисленных социальных,

этнических и других групп, способствуя их лояльному сотрудничеству.

Систематизируя вышесказанное, представим некоторые общие суждения как итог исследовательской работы. Итак, в имперских государствах бюрократия консолидирует лишь общегосударственные дела, тем самым способствуя потере связей согласования-координации, господства-подчинения субъектов социума в механизме государства, отчего, в конечном счете, постепенно ликвидируются конфессионально-этнические различия и условия нациестроительства, а потому объединенное империей общество самой собой постепенно перестает существовать, и государство вступает в полосу слома экономических и социально-политических конструкций. При этом только жизнеспособность обычных, традиционных прогрессирующих общественных институтов и преемственность-традиционность духовной сферы общества могут тормозить этот кризис. Будем придерживаться убеждения, что проблематично определять динамику империостроительства национальным контекстом общественного развития, поскольку империя охватывает несхожие между собой иерархии, при этом не столько уравнивая их к некоему среднему уровню, сколько создавая разнообразные механизмы приводя и адаптации к местным традициям. А потому к империи применим «триединый» методологический подход, включающий компоненты «специфика–единство–управляемость», положенный в основу государственно-регионалистского управления.

1. Андреевский И. Е. Русское государственное право. Т. 1. – СПб. – М., 1866. – 500 с.
2. Кантор В. К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса: к проблеме имперского сознания в России. – М. : Росспэн, 2008. – 541 с.
3. Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика. – М. : тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1909. – 428 с.
4. Кодан С. В. Территориально-законодательное устройство Российской империи (1800–1850-е гг.) // Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность. – Екатеринбург, 2001. – С. 45–56.
5. Красняков Н. И. «Сибирский формат» регионального управления в Российской империи (XVIII – начало XX вв.) [Текст] / Н. И. Красняков. – Екатеринбург, 2006. – 240 с.; Западные национальные регионы в системе государственного управления Российской империи в XVIII – начале XX вв. Закрепление автономистской традиции в российской государственности [Текст] / Н. И. Красняков. – Екатеринбург, 2009. – 208 с.; Организация управления кавказскими территориями Российской империи (XVIII – начало XX вв.): обзор и основные законодательные акты [Текст] / Н. И. Красняков. – Екатеринбург, 2009. – 184 с.
6. Марк фон Хаген. История России как история империи: перспективы федералистского подхода [Текст] / Марк фон Хаген // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. – М. : Новое издательство, 2005. – С. 38–62.
7. Миллер А. И. Русский национализм в империи Романовых [Текст] / А. И. Миллер // Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. : Наука, 2007. – С. 324–347.
8. Мотыль А. Пути империй: Упадок, крах и возрождение имперских государств [Текст] / А. Мотыль. – М. : МШПИ, 2004. – 248 с.
9. Мюнклер Г. Империи. Логика мирового господства – от Древнего Рима до Соединенных Штатов [Текст] / Г. Мюнклер // Прогнозис. – 2006. – № 1 (5). – С. 84–102.
10. Пивоваров Ю. С. Русская история как «русская идея» [Текст] / Ю. С. Пивоваров // Национальная идея: страны, народы, социумы / [отв. ред. Ю. С. Оганисьян]; Ин-т социологии РАН. – М. : Наука, 2007. – С. 349–354.
11. Суни Р. Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная идентичность» и теории империи [Текст] / Р. Г. Суни // Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2007. – С. 36–81.
12. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. – М. : ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. – 672 с. (издана впервые в 1905 г).
13. Тишков В. А. Российская нация и ее критики [Текст] // Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2007. – С. 558–601.
14. Чиркин В. Е. Государственное управление. Элементарный курс. – М. : Юрист, 2001. – 320 с.
15. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. Перевод с англ. А. А. Васильева. – СПб. : Изд «Алетейя», 1998. – 308 с.